

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

МХАТу СССР им.

М. ГОРЬКОГО —

75 ЛЕТ

Когда в один из дней осени 1898 года московские театры собирались на премьеру новой труппы, вряд ли они и думать смели, что станут счастливыми свидетелями рождения театра, чье имя — символ русской сценической культуры.

А поначалу их, доверших и искусных, матушек, раздражало все: занавес не поднимается, а раздвигается, после третьего зюбки в зал не пускают. И в самом названии было что-то раздражающее: снос от закулисья: Московский Художественно-общедоступный театр...

Один лишь перечень спектаклей — «Царь Федор Иоаннович», «Чайка», «На дне», «Братья Карамазовы», «Дни Турбиных», «Бронепоезд 14-69» — может объяснить, как этот театр искал, как он боролся, как жил.

Он жил жизнью непонятной, диковинной. Известные критики, такие, как А. Кугель, отказывали ему в праве слыть театром. Они имели свое представление о сцене. Блестящие режиссеры Гордон Крэг, Вс. Мейерхольд не смогли работать в этом театре. Одним он казался слишком уж новаторским, другие считали его уже достаточно традиционным, третьи полагали, что ему уготована недолгая память в искусстве, — а он жил своей жизнью.

Когда 75 лет назад молодой Иван Москвин вышел на сцену Художественного театра царем Федором Иоанновичем, Москва обмерла. Такой нетеатральности на театре она не видела, пожалуй, со времен Мочалова. Тщедушный, убогий, сам в трудом представляющий, царь он или не царь, Федор Иоаннович И. Москвина стал не только его высочайшим актерским достижением, но и достижением всего театра, всей той театральной эпохи.

«Художественный театр» — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный, как все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление,

ей-богу», — писал Горький Чехову.

Художественный всегда рисковал. Чеховская «Чайка», не понятая Александринским театром, оставшаяся петербургским зрителем, казалось, уже не могла вернуться на сцену.

Но — возрожденная талантом Станиславского, Лилиной, Книппер — вознулась. Чтобы надолго, навсегда стать символом высшего парения, поиска и творческого риска.

МХАТ обладает какой-то неизсякаемой силой притягательности. Если вы раз попадете на его спектакль, то весь, целиком, без остатка, станете мхатовским зрителем. А его актеры станут вашими. И когда вам захочется чувства — сильных, достоверных, — вы тоже придете сюда.

Художественному театру свойственна особая контактность со зрительным залом. Рампы будто и не существует, будто нет никакого театра, а есть близкий, родной дом сестер Прозоровых, есть изба убогого Акима из «Власти тьмы», дом Турбиных на тихом Алексеевском спуске в Киеве...

Вот это постоянное ощущение друг друга, постоянная потребность говорить на равных со зрителем о его бедах, радостях придают театру особую силу.

Именно эта сила позволила МХАТу вырваться из тени «позорного десятилетия» (М. Горький), преодолеть эпоху безвременья и прийти к лучшим своим спектаклям — «Бронепоезду 14-69» Всеволода Иванова, «Дням Турбиных» Михаила Булгакова, «Анне Карениной», «Мертвым душам»...

Не правда ли, в любом юбилее, каким бы шумливым, значительным, редостным он ни был, есть крупца грусти. Что значит 75-летие МХАТа? Всемир-

ную известность? Непроходящую любовь? Энергию поиска? Да, конечно. Но это еще и память. Память о тех, кто создавал театр, кто жил, дышал им, Константин Станиславский, Владимир Немирович-Данченко, Николай Хмелев, Василий Качалов, Николай Баталов, Алла Герасова, Василий Топорков.

Свой новый, семьдесят пятый сезон Художественный театр начал не в старом здании, а в новом, что на Тверском бульваре. В этом своя символика, свой особый смысл: начинается вторая молодость театра: Она вырывается со всей непреклонностью бытия, со всей естественностью процесса обновления, к которому МХАТ стремился всю свою беспокойную жизнь. Молодость эта видна во всем. И в репертуаре, который пополнился пьесами М. Рошина «Валентин и Валентина», Е. Рамзина «Обратный счет», Г. Бокарава «Сталеваары». И в актерском составе — в прошлой сезоне сюда пришло молодое пополнение — курс народного артиста СССР П. Массальского.

Чувство нового времени, никогда не остывавшее мхатовцев, в эти годы проявилось с особенной полнотой. Даже в классической репертуаре (скажем, «Последние» в постановке Олега Ефремова) театр стремится сказать то, что дорого и близко зрителю сегодняшнему.

Именно заботой о сегодняшнем зрителе, круге проблем, занимающих, тревожащих его, и продиктовано обращение театра к современной драматургии — будь это «Дульсинея Тобесская» А. Володина, «Старый новый год» М. Рошина, «Лошадь Пржевальского» М. Шatroва (сейчас этот спектакль находится в работе), «Долги наши» З. Володарского.

Не знаю, как со временем изменится режиссерский и актерский стиль этого театра. Но одно известно точно: это будет театр дерзкий, смелый, рискованный и ищущий. Такой, каким он был все семьдесят пять лет своей жизни.

В. ТУРОВСКИЙ.

Брянский комсомолец
19 ДЕК 1973
г. Брянск